

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

**Читайте
кабинетные детективы
Анны Акимовой:**

- Змеиная верность
- Укол гордости
- Зависть кукушки
- Яд ревности
- Львиное сердце

Анна Акимова

Змеиная
верность

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А39

Редактор серии А. Антонова

Акимова, Анна.

А39 Змеиная верность : роман / Анна Акимова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-192837-7

В институте фармакологии обнаруживают рядом с террариумом тело лаборантки Лены – она умерла от укуса змеи. Полиция списывает все на халатность, но никто не верит в вину молодого специалиста. По институту начинают ползти слухи, из углов слышны подозрительные разговоры, а в биографиях сотрудников всплывают странные и страшные факты. Несмотря на природную осторожность, сотрудница института Лиза Мурашова начинает личное расследование. Она и не подозревает, что ставит под удар и свою жизнь, и жизнь своих друзей. Ведь в сердце этой истории – настоящая страсть. Страсть змеи, пригретой на груди.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192837-7

© Акимова А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

Так решать проблему еще не приходилось. Это был новый способ, неопробованный. Были сомнения: получится ли? Были колебания: не выбрать ли что-нибудь более привычное? Но все получилось. Девушка, хоть и крупная, мясистая, на деле оказалась неловкой, со слабой реакцией. Она бестолково дрыгала руками и ногами, пока не успокоилась. К тому же перед этим она получила деньги и поэтому расслабилась. Поверила, дуручка, что запугала... Жадность удивительно сочетается с глупостью. Позднее, правда, обнаружилось, что в кармане у нее был газовый баллончик. В том самом кармане, куда она спрятала полученные деньги. Да, не успела девушка воспользоваться ни тем, ни другим...

Гораздо труднее было замести следы. Тащить тело было тяжело. Хоть и недалеко — до лифта, спустить в подвал, а там еще немного. Щербатый пол подвала цеплял простыню, в которую было завернуто тело, тормозил, удваивал тяжесть. По лицу, по спине тек пот. Но надо дотащить, надо. Осталось немного... Скоро все закончится, главное уже сделано. Никто ничего не узнает, никогда...

Гудения лифта никто не услышит. Вахтер дрыхнет в своей каморке, как всегда пьяный, а больше в здании никого нет. В подвале сильно гудит вентиляция, это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что заглушает звуки волочащегося тела и тяжелого дыхания. Плохо, потому что вахтер все-таки может проснуться, спуститься в подвал, и его вовремя не услышишь.

Пот заливает глаза. Остановиться, минуту отдохнуть, успокоить дыхание. Где-то в кармане был носовой платок...

Что-то еле слышно звякнуло. Черт, что-то выпало из кармана! Что? Посмотреть внимательно, ничего не должно остаться, никаких следов. Вроде нигде ничего. Но что-то же звякнуло! Показалось? Еще раз внимательно все оглядеть. Нет, ничего. Видимо, показалось.

Ну вот и все. Пусть лежит здесь. Простыню долой, все должно выглядеть так, будто девица сама пришла сюда.

Теперь последний штрих. На руки — толстые резиновые перчатки. Дверь, за которой обитают эти твари, открывается кодом. Как же тут холодно! Холод проник под потную одежду, охватил тело. Вот она, тварь. Холодная, омерзительная. Взять ближе к голове. Спокойно, спокойно, в этом состоянии они безопасны...

Ну все, можно уходить. Теперь дожидаться, когда вахтер проснется, пойдет с обходом. Но это уже легче, легче... Все получится. Никто ничего не узнает.

В шесть утра запиликало радио, и Михалыч, вахтер Тайгинского Института фармакологии, проснулся в своей вахтерской каморке. Пора было вставать. Скоро пересменка. В восемь придет заступать на дежурство Вера Никитична, сменщица, со своей кошелкой, в которой вязание, банка брусничного варенья да затрепанная книжка, которую Верка читает, поди, уж полгода. На обложке грудастая белобрысая деваха обнимается с полуголым цыганистым мужиком. Срам, да и только. Сам Михалыч таких книг сроду не читал. Что уж там, он вообще, как вышел из школы после седьмого класса, ничего, кроме вывесок да ведомостей на зарплату, не читал. Ни к чему. Михалыч человек простой, всю жизнь проработал сцепщиком на железной дороге, а уж как оттяпало ему сцепкой ногу по пьяному делу, так пришлось уходить в вахтеры. Куда ж еще на протезе? Только вот в вахтеры.

Михалыч пристегнул протез, одернул брючину и, кряхтя, поднялся на ноги. Да-а, скоро уж Верка пришкандыбает со своим фирменным брусничным. Варенье у Верки знаменитое, чего-то она

в него кладет для особого вкуса. Чего — не говорит, секретится, ведьма старая. В могилу, видать, хочет унести секрет свой брусничный. Уж как институтские бабы к ней ни подкатывали, ни в какую! Молчит как партизан.

Ну, ему-то, Михалычу, что? Его-то Верка чаем с вареньем всяко угостит. Хорошо, что его сменяет Верка, а не бирюк Онищенко. От него ни чаю, ни разговору душевного не дождешься.

Вот придет Верка, сядут они, попьют чайку, а потом Верка останется на сутки, а он, Михалыч, побредет по утречку, по холодку домой. И кой-чего с собой прихватит.

Михалыч открыл тумбочку. Вот он, родименький. Пузырек со спиртяшкой, чистой как слеза. Вчера выцыганил его у Сашки-инженера. Сашка в институте следит за приборами и спирт получает специально, для протирки каких-то там оптических осей. Так он сам говорит и всегда при этом ржет. Чего ржет — непонятно, да Михалыч и не разбирался. Какая ему разница? Важно то, что ему от тех осей порой перепадало добра. Оно и ладно. Поди, не заржавеют те оси, а Сашка и сам, вестимо, от них урывает.

Ну а пока можно и чайку. До Веркиного, с брусничным, еще далеко, так что можно и своего. Чай — не щи, сколь хошь хлещи. Да и сушняк после вчерашнего мучает.

Михалыч включил чайник, отмерил в кружку заварку, щедро сыпанул сахару. Залив в кружку кипяток и прикрыв ее блюдечком, чтобы настоялось, Михалыч решил отправиться в обход. Так полагалось. Последний обход он делал вечером,

закрыв дверь за последним сотрудником. Полагалось и ночью пару раз обойти, да Михалыч не удержался вчера — хлебнул Сашкиного подарка и продрых всю ночь как убитый. Ничего, тут, в институте этом, сроду ничего не случалось. Место тихое, и народ спокойный.

Тут Михалыч вспомнил, что надо спускаться в подвал, клятое место, и заколебался. Открыл тумбочку, поглядел на пузырь со спиртом. Не хорошо оно, с утра-то, вдруг унюхает кто... Но, поколебавшись, все-таки достал пузырек и, задержав дыхание, сделал большой глоток. Спирт опалил рот, огненным клубком скатился в желудок. Пирдуха! Так Федька всегда говорит, дружок Сашки-инженера. Выпьет и — пирдуха, мол! Срамное слово. Вслух его Михалыч никогда не говорит, а про себя — случается, прицепилось вот от Федьки.

Михалыч еще побряхтел, потоптался, затем взял свою палку с отполированным набалдашником и медленно побрел по коридору первого этажа к лестнице, ведущей наверх.

Как только его тяжелые шаркающие шаги затихли, чуть слышно скрипнула дверь тамбура черного хода. Бесшумная тень проскользнула через вестибюль в вахтерскую каморку. Звякнуло стекло, зашелестела бумага... Тень выскользнула из вахтерки, пометалась по вестибюлю, снова чуть слышно скрипнула дверь, и все затихло.

На всех трех этажах был порядок. Нигде не журчала вода, не пахло дымом. В коридорах горел слабый свет, темнели щели под дверями. В каби-

неты и лаборатории Михалыч не заходил, чего там смотреть, везде тихо.

В подвал Михалыч спускался неохотно. В подвале был виварий. Там тошнотно пахло крысами и мышами, а самым неприятным, страшным для Михалыча местом был недавно оборудованный здесь террариум. Институт начинал разработку новой серии препаратов на основе змеиных ядов, и в террариум завезли среднеазиатских гадюк — гюрз. С тех пор как эти твари поселились в подвале, Михалыч даже спать на дежурстве без выпивки не мог: а вдруг вылезет какая гадина, она ж в любую щель проскользнет, и попробуй убеги от нее на деревянной-то ноге...

Спустившись в подвал, Михалыч толкнул дверь вивария и сразу почувствовал тревогу. Что-то было не так.

Обычно между кормежками и уборкой клеток в виварии было тихо, звери спали, сбившись в большие клубки. Сейчас же в виварии стоял монотонный, неумолчный шорох и писк. Михалыч включил свет и увидел, что во всех клетках панически мечутся звери. Крысы и мыши, отталкивая друг друга, лезли на решетки, грызли проволоку длинными желтыми зубами. Михалычу показалось, что животные сейчас вырвутся из клеток и набросятся на него.

— Свят, свят! — пробормотал он, отступая и захлопывая дверь. — Чего ж это с ими?

Нет, больше он сюда заглядывать не станет. В семь придут бабы-виварщицы, пускай разбираются сами.

Переведя дух, Михалыч, тяжело стуча протезом, двинулся дальше, туда, где за изгибом коридора размещался проклятый змеюшник.

Лиза Мурашова, младший научный сотрудник Института фармакологии, проснулась от такого же сигнала репродуктора, который разбудил вахтера Михалыча. Накануне она специально оставила радио включенным. Вспомнив, почему она это сделала, Лиза тяжело вздохнула, повернулась и посмотрела на соседнюю койку, где спала ее соседка по общежитской комнате и лучшая подруга Людмила Пчелкина. Та сладко сопела объёмистым бревнышком под розовым стеганым одеялом. Ни громкая музыка из репродуктора, ни бодрые голоса дикторов не оказали на нее ни малейшего влияния. Все как Лиза и ожидала.

Вчера вечером у них опять происходил Контрольный Завес — процедура, всегда вносившая нервность и сумятицу в спокойное течение их жизни. Увидев, что Людмила снимает со шкафа напольные весы, Лиза уже заранее напряглась, и не напрасно. Людмила встала на весы, стрелка, конечно же, зашкалила, показав какую-то невыносимую цифру, и началось...

— Жиросвин! Бегемотина! — зарыдала Людмила. — А-а-а! Ну как мне жить? Кто меня полюбит?

Она соскочила с весов, бросилась на кровать и уткнулась в подушку.

— И не говори мне, что надо меньше есть! — закричала она, повернув к Лизе зареванное лицо. — Потому что я не могу! Не могу, не могу и не могу! Ты можешь это понять?

Лиза молча подняла весы и поставила их на шкаф. Она понимала. Она знала Людмилу очень давно.

Людмила была Едок с Большой буквы. Садясь за стол, она сметала все, до чего могла дотянуться. Лиза частенько говорила, что если бы Людмила была знатной особой и имела герб, на нем был бы начертан девиз: «Лопнуть, но слопать! Треснуть, но стрескать!».

Две сильные страсти — любовь к еде и ненависть к лишним килограммам — боролись в Людмиле Пчелкиной и не давали спокойно жить ни ей, ни Лизе.

После очередного Контрольного Завеса и следующей за ним истерики Людмила садилась на диету. Утром ограничивалась стаканом кофе без сахара, в обед, когда все сослуживцы разбегались по кафешкам и столовкам, оставалась на работе и угрюмо жевала капустный салат без хлеба и пила пустой чай. Лиза из солидарности оставалась тоже. Для нее, худенькой, брезгливой малоежки, еда не имела такого большого значения. Заморить червя, а больше и не нужно.

В эти «страдательно-голодательные» дни у Людмилы резко портился характер. Она становилась раздражительной и плаксивой, ей казалось, что ее никто не любит, не ценит, не понимает, что жизнь ее пуста, горька и бессмысленна. Раздражительность ее изливалась в первую очередь на Лизу, поэтому Лиза терпеть не могла Контрольные Завесы и мечтала выбросить Людмилины весы к чертовой бабушке. Останавливала ее только уверенность, что Людмила тут же купит

новые, и это нанесет существенный урон их совместному бюджету.

Поголодав два-три дня, Людмила теряла в весе полкило. Обнаружив это, она расцветала, преисполнялась радужных надежд и, увы, спешила вознаградить себя за героизм кусочком вкусенького. К ней возвращалась ее обычная солнечная улыбка и веселое настроение, за первым кусочком вкусного следовал второй, третий, и все входило в привычную колею до следующего Контрольного Завеса.

Маниакальное стремление похудеть было вызвано одной-единственной причиной — с лишним весом Людмила связывала свои неудачи в личной жизни. У Людмилы была заветная мечта — завести, как она любила говорить, мужа, детей и персидского кота. Именно на этих трех китах собиралась она строить свое жизненное благополучие. Все остальное — работа, диссертации, научная карьера — было лишь привходящим и привносящим.

Влюбчива она была невероятно. В университете, где они с Лизой учились на биофаке, Людмила была влюблена непрерывно. Практически во всех окружающих мужчин, попеременно и разом. Начиная с хроменького, очкастенького парнишки-препаратора с кафедры физиологии растений и заканчивая деканом факультета профессором Обуховичем, которому уже перевалило за шестьдесят.

Большинство мужчин так и оставалось в неведении о Людмилиных чувствах, а те, чьего внимания ей удавалось добиться, ограничивались

двумя-тремя походами в кино-кафе и невинными поцелуями. Тем дело и кончалось. Людмила считала, это оттого, что она «жиросвин».

Между тем была она очень хорошенькой, налитой, как яблочко, с прекрасной нежной кожей, с большими, круглыми, зелеными глазами. Светло-русые волосы, подстриженные стильным ежиком, тоже имели чуть заметный зеленоватый, русалочий отлив.

Лиза считала, что Людмила личная жизнь не клеится вовсе не из-за полноты. Просто Людмила была дитя дитем, слишком открытая, слишком непосредственная. Мужчины просто обходили «взрослыми» чувствами ее ребяческую влюбленность.

Но когда Людмила начала работать в Институте фармакологии, все ее детские любви кончились. Вместо них возникла и запылала ярким пламенем одна Большая Любовь, и предметом этой любви стал заведующий их лабораторией Павел Анатольевич Петраков.

Павлу Анатольевичу было сорок лет. Эту круглую дату лаборатория, без лишних суеверий, весело отпраздновала в начале декабря в ресторане «Тайга». Там Петраков был еще с женой Ольгой. Ольга от души веселилась и казалась очень влюбленной в мужа. Однако около месяца назад, где-то в конце апреля, Зоя Евгеньевна Болдина, старший научный сотрудник их лаборатории, правая рука Петракова и его негласный заместитель, рассказала по секрету, что Ольга сбежала от мужа. Воспользовалась тем, что Петраков улетел в командировку в Москву, собрала вещички и ис-

чезла, не оставив адреса. В прощальной записке она объясняла, что ошиблась, любит другого и подает на развод.

Всех это очень удивило. Петраков нравился женщинам. Он был симпатичным мужчиной — высоким, подтянутым, спортивным. Еще он был воспитанным и всегда галантным с дамами. С научной карьерой тоже все было в порядке. Петраков заканчивал докторскую диссертацию, а после защиты его ждало место заместителя директора института по науке, на котором досиживал последние годы пожилой и очень болезненный профессор Лукин.

Все, кто наблюдал отношения Петракова с женой, были уверены, что Ольга души не чает в муже. Но, не прожив и года, она ушла. Вот уж верно, чужая душа — потемки...

Пока Павел Анатольевич был женат, Людмила любила его издали, безнадежно и тихо. Но стоило Ольге уйти, в ней вспыхнула надежда. Теперь она вставала и ложилась с мыслью о «Пашечке», на работе не спускала с него влюбленных зеленых глаз. Для того чтобы обратить на себя его внимание, пекла и таскала к лабораторным кофеиниям разные печенья и пирожки. И уж конечно, вчерашние горестные вопли о том, что никто не полюбит «жиросвина», были тоже из-за него.

Вчера Людмила, отрывав, решила, что она займется утренним оздоровительным бегом. Встать на час раньше и пробежаться по свежему воздуху — что может быть лучше для здоровья и фигуры? И голодать не надо! Она заставила Лизу поклясться, что та будет бегать вместе с ней,